

ПИСАТЕЛЬ В ГОСТЯХ У «ПРАВДЫ УКРАИНЫ»

НАЙТИ, ЧТОБЫ ОТДАТЬ

Имя Саввы Евсеевича Голованивского известно читателям давно. Еще семнадцатилетним юношей в двадцатых годах он выступил с первыми сборниками стихов. В них молодой украинский поэт воспевал героизм гражданской войны, «безусых побратимов», которые по возрасту опоздали «на праздник сивашских пожаров», но самоотверженно вступили в бой с разрухой, поднявшись на стропила стройки нового мира. Об этом ярко свидетельствовали романтические произведения Голованивского — «Баллада про вестового», «Комсомольский билет» и другие. В этом ряду, конечно же, роман в стихах «Фронтовики». В тридцатые годы появились его пьесы — «Леди Грей», «Мария», «Судьба поэта», посвященная Тарасу Шевченко. Все они с успехом шли на подмостках театров Украины.

В первые же дни Великой Отечественной Савва Голованивский, как почти все писатели республики, способные носить оружие, ушел на фронт. Он и его друзья были уже не безусыми побратимами, а солдатами, исполненными мужества и решимости, готовыми отдать свою кровь, а если надо — и жизнь — за свободу и честь Родины. Я был одним из

тех, кто воевал некоторое время рядом с ним. Боевые ордена, среди которых и орден Красного Знамени, многие медали говорят о его воинской доблести лучше всего.

В тяжелом сорок первом году Савва Голованивский в содружестве с композитором Ильей Виленским сложил «Песню о моей Украине». Опубликованная в газете «Красная Армия», где работал поэт, она быстро облетела Юго-Западный фронт.

Я вірив, що ворог тебе не поборе,
і ворог тебе не зборов, — і слава твоя оживе неодмінно,
він ще відповість за гірке, і доля розквітне ясна.
і кров'ю заплатить за кров. твоя горе, моя Україно,
радянська моя сторона!..

Уже после войны Савва Голованивский создал не один сборник стихов, прославляющих героев битвы. Этому же посвящены его романы «Тополя на том берегу» и «Корсунь». И новые пьесы — «Солнечная сторона», «Первый гром», «Дальнее эхо», «Истина дороже», нашедшие путь на сцены театров Советского Союза, они воспевали стойкость и трудолюбие людей нашей земли — от декабристов до солдат и рабочих наших дней.

Много сделал Савва Голованивский и в области художественного перевода. Тут достаточно назвать «Полтаву» Пушкина, поэму «Владимир Ильич Ленин» Маяковского, стихи Гете, Гейне, Мицкевича, Словацкого...

А дорога зовет его дальше и дальше. И подтверждение этому — его новые стихи.

Микола УПЕНИК.

Савва ГОЛОВАНІВСЬКИЙ

Баллада о дядьке Пилипе

...Еще был у нас непоседливый дядько Пилип —
Такого в деревне увидишь не часто, пожалуй:
Нагорбится в поле —

и вот уже слышался скрип,
Цветная повозка его из ворот выезжала.

До станции — десять, до города — все пятьдесят,
Пилип довезет, и цена по карману любому.
Со старших — полтинник — гостинец для малых ребят,
А с младшего пятиалтынный — полпуда овса вороному.

Везет седока, ну а сам и не сядет порой,
С горы тормознет, подтолкнет на подъеме двуколку.
И даже где ровно, бежит по соседству трусцой,
И все тараторит, все что-то твердит безумолку.

Немного отстанет, потом забегаает вперед,
То песней веселой, то грустью

зальется возница.

И все он рифмует, и где только рифмы берет! —
То присказка выйдет, то вдруг прибаутка родится.

Край неба еще не помоек в придорожной пыли,
И степь, словно бубен тугой,

загудит — только тронь-ка.

Забыв о кнуте, погоняет конягу Пилип,
Бежит, напевая, и дергает вожжи легонько.

Ах, рыжий чудак, где повозка смешная твоя?
Ты многих возил, и стирались из памяти лица.
В твоей таратайке пустился в дорогу и я,
И странствие это

мое до сих пор еще длится.

Да в чем-то и сам я такой же возница, как ты.
Везу я людей, рядом с ними карабкаюсь пеший,
На встречу с минувшим.

Спешу от версты до версты,
Бегу и рифмую — сердца веселю я и тешу.

То тучи на небе, то солнце выходит в зенит.
Что может быть лучше для мира, чем ясные весны?
По звонкой степи колесница моя таратхит,
И в гору рысцой семенит мой пегас низкорослый.

1980 г.

Из фронтовой тетради

О, не черствей, душа моя, от боли!
Не каменей от злости и тоски!
Горит земля и вытоптано поле,
Но не дотла — останутся ростки.

Не может быть, что все навеки голо...
Останется же что-то в глубине.
Ведь были печенег и монголы,
И кровь лилась в родимой стороне,
Осядет пыль над мертвою землею,
И солнце размечается в дыму.
Ну как тогда я каменной душою
Лучи благословенные приму?

Я знаю — нынче в дни смертей безвинных
Мне милость не нужна — вокруг враги.
Будь мужественной,

но в своих глубинах

Душа моя, ее ты сбереги.
Когда придет счастливая минута,
Которую добудем мы в огне,
Вдруг станет нужной все-таки кому-то
И наша милость, как сегодня гнев.

1942 г.

Ты по полю шагаешь, еще ты живой,
Напрямик пробивая тропинку несмело.
Вдруг о твердое что-то заденешь ногой —
А ведь это в снегах замеченное тело.

Будто вспышка от взрыва, души твоей дрожь
Вдруг ударит в лицо, и подкосятся ноги.
И неслышно промолвишь: «Оставь, не тревожь...
Я обязан дойти, не погибнув в дороге!»

Ты уходишь, оставив его за спиной.
Снег такой же, как был, и равнина такая.
Только голос убитого слышен: «Постой!».
И за то, что ты жив, он тебя упрекает.

Ты воюга одолеешь в нелегкой борьбе,
Ты дворцы возведешь там, где пепел пожара.
Но прости и сквозь годы не сможешь себе,
Что в снегах замечен был не ты, а товарищ.

1942 г.

Перевел с украинского Леонид СОРОКА.

ЛИВЕНЬ

Куда ни глянь —
одно и то же:
простор, мерцающая синь...
На гору снежную похоже
седое скопище осин.

Курганы, взвившиеся круто,
поля в прозрачной
желтизне.
Ручей за вербами, как будто
остановившийся во сне.

Но поминутно — перемены,
все представляется иным —

поля вздымаются, как стены,
осины высятся, как дым.

Темнеют облачные пятна,
и в дождь закутано село,
и совершенно непонятно,
что в мире вдруг
произошло.

И даже кажется порою,
что небо в ливне и огне
меняет цвет не предо мною,
а изменяется во мне.

Перевод Н. СЛЕПЦОВА.